

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТУНЕЯДЕЦ»: ОТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ В XVIII ВЕКЕ ДО ПРОЦЕССА И. А. БРОДСКОГО

Екатерина Задирко
(Москва)

«Тунеядец» — слово старославянского происхождения («вту-нѣ» — даром, зря), которое, видимо, бытовало в языке как книжный аналог исконно русского слова «дармоед». Однако в современном словоупотреблении оно соотносится с советским дискурсом, превратившим это слово не только в юридический термин, но и в универсальный ярлык для множества социальных групп. В СМИ оно чаще всего актуализирует контекст «алкоголиков и хулиганов», иногда с обыгрыванием известной цитаты из комедии Л. И. Гайдая. Другая устойчивая ассоциация связывает это понятие с анти-паразитической кампанией 1960-х гг. и фигурой И. А. Бродского. Оно указывает одновременно и на принадлежность Бродского к андеграунду, и на двойственное отношение власти к деятелям искусства, в особенности к писателям, после «оттепели». Это слово иногда превращается в «пустое» определение наподобие постоянного эпитета: «“тунеядец” Бродский», «поэт-“тунеядец”» и т. п.

Для понимания специфики употребления понятия в современном языке обратимся к его истории начиная с XVIII в., когда оно стало дифференцироваться по отношению к социальному статусу. Анализируя примеры из художественной литературы, публицистики и официальных документов, можно проследить эволюцию понятия и установить преемственность на уровне смысла. «Значение» и «смысл» понимаются в данном случае в рамках семантической модели Г. Фреге [Фреге]: «значение» — то, что авторы текстов понимают под словом «тунеядец», то есть представитель некоторого круга лиц с набором характеристик, а смысл — мысль, которая «считывается» исследователями [Одесский, Фельдман: 6].

В петровскую эпоху начинает формироваться значение «тунеядец-чиновник», впервые появившееся в 1722 г. в «Табели о ран-

гах...» [Табель: 6] и активно развивавшееся в публицистике. Чиновники, клеймившиеся «тунеядцами», объявлялись нарушителями бюрократической субординации и, соответственно, государственного порядка в целом. Их надидерархичность компрометировала идею общественного служения [Прокопович 1961: 125; Фонвизин: 423; Крылов: 287].

После введения указа Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», подтвержденного Екатериной II, сословные различия проявлялись уже не в различном характере труда, а в возможности или невозможности быть праздным. В результате у слова «тунеядец» развилось более широкое значение: оно стало относиться к неслужащим дворянам, чье богатство составлено трудом их крестьян [Фонвизин: 303]. К последней четверти XVIII в. появились дворянские недоросли. Из значения «богатый праздный дворянин» выделилось побочное, связанное именно с молодыми бездельниками [Фонвизин: 141; Новиков: 235]. Новое значение слова отражало проблему воспитания и дворянского просвещения, которая в системе ценностей XVIII в. была связана с представлением о том, что каждый человек должен приносить пользу на своем месте. Определение, которое дается слову «тунеядец» в Словаре Академии Российской (1794), сводит вместе концепты «пользы» и «праздности»: тунеядец есть тот, кто «в праздности дни свои проводит, и чрез то ни себе, ни обществу пользы не приносит» [Словарь...: 325].

С возрастанием роли бюрократии в XIX в. «чиновничье» значение стало активно использоваться [Жихарев: 415; Салтыков-Щедрин: 269] и сохраняло свою актуальность. К эпохе Александра III не только влиятельные чиновники, но и простые служащие, занимающиеся взяточничеством и доношением, стали называться «тунеядцами» [Чехов: 188].

Значение же «тунеядец-недоросль» употреблялось не так часто из-за своей конкретности. Например, в романе Достоевского «Идиот» (1869) «тунеядцем» одновременно называется и богатый помещик, и его воспитанник [Достоевский: VI, 263–264]. Значение «богатый праздный дворянин» оставалось частотным, отражая остроту вопроса о сословном неравенстве и крепостном праве. Особенно популярным оно стало в народнической и социал-демократической печати, где превратилось в риторический ярлык,

наиболее емко выражающий несовместимость существующего сословного строя и трудового общества.

В книге «Хлеб и воля» (1892; 1902) П. А. Кропоткина все современное государство оказывается подчинено тунеядцам [Кропоткин: 15]: государственный механизм не исключает тунеядство, а наоборот, предполагает его.

Опираясь на классификацию Г. Фреге, можно сказать, что к началу XX в. сложилась следующая схема этой группы значений:

I.

Значение: чиновник, не исполняющий своих обязанностей, но получающий все полагающиеся почести.

Смысл: человек, разрушающий государственный порядок изнутри.

II.

Значение:

1) неслужащий праздный дворянин;

2) молодой дворянин, воспитанный в праздности и не желающий служить.

Смысл: человек, разрушающий изнутри систему общественных отношений, основанных на труде.

Другое значение, сформировавшееся также в XVIII в., относилось к противоположной в социальном отношении группе: профессиональным нищим, разбойникам, ворам — ко всем, кто зарабатывает на жизнь нечестным путем [Посошков: 107]. В одном из указов Екатерины II, принятом во время Пугачевского бунта (1773), предписывается не впускать в селения бродяг и тунеядцев, так как от них «более всего умножаются означенные воровские шайки и происходят вредные разглашения» [Сенат: 168]. Из этого документа становится ясным смысл понятия: подобные тунеядцы стоят вне иерархии, так как не имеют регламентированного занятия, а значит, государству трудно ими управлять.

К середине века круг ассоциаций расширяется: можно встретить слово «тунеядец» рядом со словом «пьяница» [Достоевский: II, 131; Григорович: 423]. Оно начинает подразумевать не человека, прямо покушающегося на общественный порядок, а изгоя, выпадающего из него, причиняющего вред обществу и государству через свою семью, соседей, общину.

Однако значение и сопутствующий ему синонимический ряд были связаны не с одним объектом, а с двумя: «тунеядцами», кроме нищих, называли еще и монахов, начиная с петровского времени [Прокопович: 230]. Идеологическая установка Петра I предполагала подчинение деятельности всех институтов и каждого подданного государственной выгоде, монахи же видимой пользы не приносили, и средства, поступавшие в монастыри, могли быть пущены на другие нужды. В связи с этим заведомо неприязненным отношением монарха к монашеству актуализировалась и другая проблема. Еще на Стоглавом соборе (1551) поднимался вопрос о чернецах, покидавших монастыри и скитавшихся по городам и селам, то есть превращавшихся в обыкновенных нищих [Стоглав: 59]. Чаще всего обвинение монахов в тунеядстве подразумевало не столько то, что они даром пользуются деньгами и землей, сколько то, что они отступают от предписанного образа жизни и, таким образом, подрывают церковные устои [Карамзин: 403; Костомаров: 23, 308, 740].

Схема этого значения получается следующей:

Значение: человек, потворствующий своим порокам, не трудящийся, живущий за счет подаяний.

Смысл:

- 1) человек, разрушающий идеологическую основу церкви;
- 2) человек, разрушающий государственный порядок извне.

Очевидно, что при всем различии значений понятия «тунеядец», смысл его связан с нарушением общественного и государственно-го порядка, указывает на «чужого», врага, который находится либо внутри системы, либо вне ее.

После Октябрьской революции соответствие групп значений и смыслов («извне» или «изнутри») было смещено. Труд становится исключительной принадлежностью социализма, а тунеядство — пережитком капитализма. В связи с этим значения чиновника, богача и недоросля слились в одно значение эксплуататора: с классовой точки зрения между ними нет различия. Кроме того, их внеиерархичность была приравнена к внеиерархичности нищих и бродяг: и те, и другие становятся маргиналами по отношению к новому социалистическому обществу (смысл «разрушитель извне»). В книге Ленина «Государство и революция» (август–сентябрь 1917 г., издана в мае 1918 г.) слова «тунеядец», «барич» и

«мошенник» образуют один синонимический ряд [Ленин: XXXIII, 102]. А в статье «Как организовать соревнование?» (6–9 января 1918 г.; напечатана в «Правде» 20 января 1929 г.) Ленин приравнивает «богачей» к «жуликам» [Там же: XXXV, 200]. Однако в 1920-е гг. считалось, что нищета и бродяжничество исчезнут, как только будет построено социалистическое общество, поэтому связь «туняедец-эксплуататор» была намного сильнее и активно использовалась в пропаганде.

В словаре Ушакова (1935–1940) закреплено именно такое понимание «туняядца» [Ушаков 1940: IV, 827]. Пример словоупотребления взят из речи Сталина на I Всесоюзном совещании станхановцев, в которой «туняедец» тождественен «капиталисту».

Так, значения, первоначально связанные с разными смыслами, оказались прикреплены к одному:

Значение:

- 1) представитель господствующих классов, «эксплуататор»;
- 2) маргинал;

Смысл: человек, угрожающий извне новому социалистическому обществу.

К началу 1950-х гг. борьба с капиталистами, а шире — с внешними врагами, перестала быть актуальным стимулом: идеологический аппарат переориентировался на поиск врагов внутренних. Значения «чиновника» и «богача» сошли на нет, а значение «маргинал из низших слоев общества» выдвинулось на первый план, а с ним и смысл «разрушитель изнутри», забытый в первые десятилетия советской власти. Однако долгое время в документах и официальной печати слову «туняедец» предпочитали слово «паразит» [Фицпатрик: 233; Советская Россия: 2]. Возможно, «паразит» в меньшей степени указывал на капиталистов-эксплуататоров, а понятие «туняедец» в это время меняло один смысл на другой, и новая связь «объект – значение – смысл» еще не установилась.

В указе «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни» от 4 мая 1961 г. слово «туняедец» также отсутствует [Указ 1961]. Вместе с тем, этот указ известен именно как «закон о туняядцах». Процесс над Бродским закрепил за словом «туняедец» вновь актуализированный смысл «разруши-

теля изнутри» и перевел его из бытовой речевой практики в юридическую. В статье «Окололитературный трутень» Бродский впервые называется «тунеядцем» [Лернер], эта характеристика повторяется в объявлении, висевшем на дверях зала суда, в речи обвинителя и свидетелей на процессе [Вигдорова: 26, 29].

Связь понятия «тунеядец» с анти-паразитическим законом привела к тому, что, при ясно прочитывавшемся современниками смысле, значение оказалось размытым. Еще при разработке законопроекта специальной комиссией фокус внимания с «первоначальных» тунеядцев (хулиганов, воров, проституток) сместился на частных предпринимателей, а также «золотую молодежь» [Фицпатрик: 236].

Понятие «тунеядец» превратилось в слово-ярлык, у которого есть смысл, но нет значения [Фреге: 231]. Уже в книге «Нежеланное путешествие в Сибирь» (1966–1967) Андрея Амальрика осмыслиется эта «мутация» понятия: «Указ представлял также удобное средство для расправы с негодными лицами из интеллигенции, как это было, например, с ленинградским поэтом и переводчиком Иосифом Бродским, высланным на Север в 1963 году» [Амальрик: 16].

Модель получается в этом случае следующей:

Значение: ?

Смысл: человек, отрицающий идеологические установки советской власти, угрожающий ей разрушением изнутри.

С официальным утверждением понятия слова «тунеядец» в новом качестве оно стало активнее использоваться в повседневной речи. Однако в бытовой практике «тунеядцами», в основном, продолжали называть не идеологических врагов, а реальных вредителей: хулиганов, пьяниц, недобросовестных работников. Ситуация фильма «Операция “БГ”...» характерна для брежневского времени: охота на внутренних врагов сменилась перевоспитанием неосознательных [Ластовка: 132–134].

Современные значения понятия «тунеядец» генетически восходят к «маргинальному» значению XVIII в., но больше не связаны с соответствующим смыслом «разрушитель извне». В результате советских, идеологически обусловленных комбинаций он изменился на противоположный («разрушитель изнутри»). Однако сама категория разрушения уже во время процесса над Брод-

ским начала замещаться категорией нравственного вреда (ср. выступления свидетелей на суде, говоривших о растлевающем влиянии на молодежь стихов Бродского). В брежневскую эпоху понятие «туняедец» снова оказалось связано с проблемой воспитания, как во 2-ой половине XVIII в., с той разницей, что советский «туняедец» — не тот, кто получил дурное воспитание, а тот, кто ему способствует. С исчезновением советского идеологического поля смысл «разрушитель» снова актуализировался и, несмотря на то, что аллюзия на персонажей Гайдая популярна в современной печати, она не вполне корректна.

Связь же фигуры И. Бродского и понятия «туняедец» — это не просто исторический факт и устойчивое речевое клише, но и ключевой пункт эволюции понятия, наиболее полно отражающий механизмы советской идеологии, с помощью которых возможно нарушить структуру слова так, что два совершенно разных объекта языка — поэт и преступник — могут иметь одно значение — туняедец.

ЛИТЕРАТУРА

- Амальрик: *Амальрик А. А.* Нежеланное путешествие в Сибирь. NY, 1970.
- Вигдорова: *Вигдорова Ф. А.* Судилище // Огонек. 1988. № 49. С. 26–31.
- Григорович: *Григорович Д. В.* Переселенцы / Григорович Д. В. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1896. Т. 6.
- Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений: В 15 т. Л., 1988.
- Жихарев: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955.
- Карамзин: *Карамзин М. Н.* История Государства Российского: В 12 т. М., 2003. Т. 8.
- Костомаров: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2006.
- Кропоткин: *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. М.; СПб., 1919.
- Крылов: *Крылов И. А.* Ночи / Крылов И. А. Полное собрание сочинений: В 3 т. М., 1945–1946. Т. 1. С. 286–312.
- Ластовка: *Ластовка Т. В.* Туняедство в СССР 1961–1991: юридическая теория, социальная практика и культурная репрезентация: дисс. ... канд. соц. наук. Университет Санкт-Галлен. Цюрих, 2012.
- Ленин: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: В 55 т. М., 1967–1975.
- Лернер: *Ионин А., Лернер Я., Медведев М.* Околелитературный трутень // Вечерний Ленинград. 1963. 29 нояб.
- Новиков: *Новиков Н. И.* Седина в бороду, а бес в ребро / Новиков Н. И. Пословицы российские. М.; Л., 1951. С. 235–238.

- Одесский, Фельдман: *Одесский М. П., Фельдман Д. М.* Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор. М., 2012.
- Посошков: *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
- Прокопович: *Прокопович Ф.* Объявление когда и коей ради вины начался чин монашеский и каковой был образ жизни монахов древних и како нынешних исправить хотя по некоему подобию надлежит // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 7. С. 226–233.
- Прокопович 1961: *Прокопович Ф.* Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире / Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 112–125.
- Салтыков-Щедрин: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Тихое пристанище / Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965. Т. 4. С. 260–333.
- Сенат: Сенатский указ, 13 декабря 1773, о предосторожностях противу разбойнической шайки Пугачева // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 9. Кн. 1: История Пугачева. 1950. С. 165–168.
- Словарь...: Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. М., 2001. Т. 6. С. 325.
- Советская Россия: Закон об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами, законопроект Комиссии законодательных предположений, Верховный Совет РСФСР. Советская Россия. 1957. 21 авг. С. 2.
- Стоглав: Стоглав. Казань: Типография губернского правления, 1862.
- Табель: Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины... [Москва]: Московская типография, 1722.
- Указ 1961: Указ от 4 мая 1961 года: Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни // Полное собрание законодательства СССР. http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/usr_5681.htm (Дата просмотра: 24.08.2013).
- Ушаков: *Ушаков А. Н.* Толковый словарь: В 4 т. М., 1940. Т. 4. Стб. 827.
- Фицпатрик: *Фицпатрик Ш.* Паразиты общества: как бродяги, молодые бездельники и частные предприниматели мешали коммунизму в СССР // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008.
- Фонвизин: *Фонвизин Д. И.* Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л., 1959.
- Фреге: *Фреге Г.* О смысле и значении / Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230–246.
- Чехов: *Чехов А. П.* Разговор человека с собакой / Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.: Сочинения: В 18 т. М., 1974–1983. Т. 4. С. 187–188.